

Отец Шэнь, обычно не вмешивавшийся в семейные дела, тоже повернулся в их сторону, и голос его стал строже:

— Где это ты умудрился пораниться? К врачу ходил?

Девушка, казалось, собиралась что-то сказать, но Пэй Цинъи нахмурился и едва заметно мотнул головой — явно не желал, чтобы она об этом заводила речь.

Шэнь Минъянь изобразила на лице глубочайшее раскаяние и, увидев тревогу на лице госпожи Шэнь, виновато произнесла:

— Это я проболталась, бабушка, вы только не сердитесь. Я ведь не знала, что вы ничего не ведаете! Узнай я раньше — ни за что бы не стала вас тревожить.

— О каком беспокойстве речь? Цинъи, дитя моё, и зачем ты скрывал? Не скажи Минъянь — так бы я до сих пор в неведении и пребывала.

Госпожа Шэнь рассердилась, но не на Пэй Цинъи — скорее, от жалости к нему.

— Думала, младшенький просто работу тебе запретил, дома отдохнуть велел... Ан нет!

Не сдержав гнева, она добавила:

— Подождём, пока вернётся — я с ним поговорю! Перед свадьбой как наказывала: жену береги, оберегай. А он!

Пэй Цинъи поспешил заступиться за Шэнь Цзюня:

— Третий господин тут ни при чём, это я сам неосторожен.

— Как это неосторожен? — Госпожа Шэнь вздохнула. — Что же случилось-то?

Пэй Цинъи скользнул взглядом в сторону Шэнь Минкэ. Сердце того ёкнуло, когда юноша продолжил:

— Просто оступился, упал. Врача уже звали, через несколько дней заживёт, пустяки. Вот же я перед вами — живой-здоровый, с визитом.

Но девушка рядом недовольно скривила губы, словно не в силах было молчать, и пробормотала:

— Кто ж так «оступается», что следы от плёток на всю спину?

— Минъянь! — Голос Пэй Цинъи невольно сорвался на повышенные тона, брови его сдвинулись.

Шэнь Минъянь взглянула на его лицо, вздохнула по-взрослому и замолчала.

Услышав о плётках, госпожа Шэнь аж вздрогнула. В их семье даже в качестве домашнего наказания использовали лишь бамбуковые палки — где уж до таких жестоких мер? Тут же спросила:

— Так что же на самом деле произошло, Цинъи?

Пэй Цинъи, похоже, не хотел отвечать, лишь тихо промолвил:

— Матушка, не тревожьтесь, всё уже позади.

Госпожа Шэнь не успела продолжить, как Шэнь Минкэ, опасаясь, что она докопается до сути, поспешил вернуть:

— Бабушка, раз тётушка не хочет говорить — не приставайте. Может, это просто... супружеские игры у них?

Выражение лица Пэй Цинъи оставалось бесстрастным, но рука, спрятанная в рукаве, судорожно сжалась.

Супружеские игры? Как он смеет такое говорить!

Однако опровергать ему не пришлось — госпожа Шэнь уже вспыхнула:

— Вздор! Характер младшего я знаю! Никогда бы он до такой низости не опустился. Минкэ, будешь продолжать нести чепуху — выйди вон.

Шэнь Минкэ, получив выговор, позеленел, но перечить не посмел. Юй Ань, страшась оказаться под горячую руку, отодвинулся и спрятался у него за спиной.

Госпожа Шэнь немного остыла, перевела взгляд на Пэй Цинъи и постаралась смягчить голос:

— Не бойся, здесь все свои. Что за дело, о котором и сказать страшно? Расскажи матушке, кто тебя обидел? Если младшенький за тебя не заступился — я сама вступлюсь!

Юноша казался растерянным, явно колебался, но под настойчивым взглядом госпожи Шэнь был вынужден заговорить.

Пэй Цинъи неспешно поведал о событиях нескольких дней назад, хотя и умолчал о некоторых деталях. Он лишь сказал, что подрабатывал дублёром, а актёр, с которым пришлось сниматься, не рассчитал силу. Для кого именно он дублировал и по какой причине — об этом юноша промолчал.

Пока он говорил, Шэнь Минкэ не сводил с него глаз, боясь, что тот выложит неудобную правду.

Но к его удивлению, даже сейчас Пэй Цинъи ничего не сказал — ни про Юй Аня, ни про то, как Шэнь Минкэ обманом втянул его в контракт на дублирование.

Шэнь Минкэ слегка расслабился, но затем, увидев, как юноша опустил глаза и мягко, тёплым голосом стал успокаивать матушку Шэнь, что всё уже прошло, ощутил нечто похожее на... угрызения совести?

Он, Шэнь Минкэ, испытывает вину перед Пэй Цинъи? Эта мысль так поразила его, что он внутренне вздрогнул. Но чувство было налицо, и чем сильнее он пытался его подавить, тем настойчивее оно становилось.

Он очнулся, лишь когда Юй Ань резко сжал его руку.

— Может, хватит на него глазеть? — прошипел Юй Ань, заметив, что Шэнь Минкэ не отрывает взгляда от Пэй Цинъи.

Раздражение вспыхнуло в нём мгновенно. Не будь они сейчас перед роднёй Шэнь Минкэ — он бы уже давно хлопнул дверью.

Юй Ань говорил тихо, но в тесной комнате и шёпот был слышен.

Госпожа Шэнь не разобрала слов, но недобрый тон уловила. Взглянув на его раздражённое — хоть и быстро скрытое — выражение лица, она почувствовала неудовольствие.

Она подозвала Пэй Цинъи к себе, взяла его руку и ласково сказала:

— Что за секреты от семьи? Раз уж вошёл в семью Шэнь — ты теперь наш. Что плохого в работе дублёром? По-моему, ничем не отличается от любой работы за кулисами — своим трудом живёшь. Чего тут стыдиться? Если впредь что случится — и с младшим поговорить неудобно — приходи ко мне. Я устрою!

У Пэй Цинъи навернулись слёзы.

— Спасибо, матушка.

— Хороший мальчик, — с сочувствием промолвила госпожа Шэнь.

Шэнь Минъянь, стоя рядом, подлила масла в огонь, рассказав, как случайно застала тётушку за перевязкой и увидела ужасные раны на плече. Она слегка приукрасила тяжесть травм — и не только сердобольная госпожа Шэнь, но даже Шэнь Минкэ опешил, не ожидая, что Юй Ань велел избить его так жестоко. Он-то думал, что всё ограничилось лёгкой потасовкой.

Эти слова и вовсе растрогали госпожу Шэнь до слёз. Пэй Цинъи в смятении подал ей платок.

Госпожа Шэнь приняла платок, промокнула слёзы, но в следующее мгновение лицо её потемнело от гнева:

— И актёр тот, что тебя в дублёры взял, — недобрый человек! Иначе почему сам не снимался, а тебя подставил? Цинъи, возможно, ты сам не ведаешь, кого обидел. Актёры те — стреляные воробьи, силу знают. Кто-то ему определённо нашептал. Скажи мне, как зовут того актёра? Я людей отправлю разузнать — не бывать такому, чтобы ты зря пострадал!

Услышав этот вопрос, Юй Ань заёрзал на месте и ухватился за рукав Шэнь Минкэ.

Госпожа Шэнь, прожившая долгую жизнь, была проницательна. Она заметила, что с самого начала её расспросов лица Шэнь Минкэ и Юй Аня изменились, и подозрения её лишь окрепли.

— Минкэ, в чём дело? Ты ведь тоже в курсе, да?

Юй Ань попытался было отрицать, но едва вымолвил «не-», как Шэнь Минкэ дёрнул его за рукав и твёрдо произнёс:

— Бабушка, не тревожьтесь попусту. Актёр, для которого тётушка дублировал... это... это Юй Ань.

Эти слова повергли всех в шок.

Фань Шувэнь остолбенела.

— Минкэ, что за чушь ты несёшь?

Но Шэнь Минкэ пришлось продолжать, хоть и скрепя сердце:

— Юй Ань тоже сожалеет, он давно хотел извиниться перед тётушкой, потому сегодня и пришёл. Но не успел — вы раньше спросили. На самом деле, тот актёр был пьян и, видно, тётушку невзлюбил, потому и ударил по-настоящему. А Юй Ань в тот день недомогал, потому дублёра и попросил, вот и...

Он запнулся, пробормотав:

— Короче, всё не так, как вы подумали, бабушка. Разве Юй Ань стал бы нарочно избивать тётушку? После случившегося он узнал, что удары были настоящие, лишь когда тётушка ушёл, и с тех пор горько раскаивается, что не проводил его тогда.

Речь Шэнь Минкэ звучала безупречно, но внутри он обливался холодным потом, гадая, поверит ли госпожа Шэнь его объяснениям. Обычно она казалась доброй и мягкой, но это лишь до тех пор, пока не заденут её принципы. Шэнь Минкэ видел её в гневе — и это было ничуть не слабее, чем гнев его деда.

<http://bllate.org/book/15935/1424438>